

Игорь
Моисеев

10/II-89

ПРАВДА

1989, 10 февр., с. 4

ПРАВДИНСКИЕ ПЯТНИЦЫ

10 фе

Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, народный артист СССР И. А. Моисеев — хореограф-новатор, создатель новой формы сценического искусства — театра народного танца. Его стилистика, жанры, выразительные средства нашли свое оригинальное воплощение в творчестве Государственного академического ансамбля народного танца Союза ССР, которым Моисеев руководит более полувека. О состоянии современного искусства танца, проблемах, волнующих сегодня деятелей хореографии, известный мастер размышляет в беседе с нашим корреспондентом.

— Народный танец — древнейшее, ярко национальное искусство, обладающее высоким духовным потенциалом. В чем суть его нынешнего состояния? Какие превращения оно претерпевает в связи с теми сложными социальными процессами, которые происходят в современном обществе? И все ли из этих превращений носят прогрессивный, истинно творческий характер?

— Искусство, в том числе и танцевальное, гармонизирует эмоциональную жизнь человека, подспудно укрепляя эстетическую, нравственную основы человеческого существования — все то, что принято объединять в понятие духовность. Ведь что такое народный танец? Это пластический портрет народа. Немая поэзия, зримая песня, тающая в себе часть народной души. В его неистощимой сокровищнице немало бесценных жемчужин, воплотивших в себе творческую силу народной фантазии, поэтичность и образность мысли, выразительность и пластичность формы, глубину и свежесть чувств. Эта эмоциональная, поэтическая летопись народа самобытно и образно рисует историю событий и чувств, пережитых им. И люблю я народный танец именно за то, что он конденсирует в себе глубину народных чувств, национальный характер, психологию, вкус, музыкальное ощущение действительности. В образности, содержательности я отдаю ему предпочтение перед классическим танцем, который уходит иногда в абстракцию.

Ведь балет, как и музыка, очень условен. Обобщение, символика, метафоричность — в его сути. Он подчас далек от отображения реальной жизни, и связи балета с действительностью — опосредованные. Народные же танцы в высшей степени точны, ясны, у них конкретный адрес. При этом любой является законченным произведением, имеющим глубокое содержание и смысл. В большинстве своем, будучи краткими, немногословными, танцы эти вскрывают целые пласты народной жизни в разные исторические эпохи. Это не просто танцы для развлечения, сиюминутного удовольствия, а способ выражения определенных чувств, обладающий поэзией достоверности. Сейчас, к сожалению, часто выдают за фольклор — я имею в виду профессиональных артистов — немислимую чушь, ничего общего с народным танцем не имеющую. Заниматься подделкой, фальсификацией, демонстрировать в искаженном виде то, что создано другими, — это, строго говоря, не искусство. Меня шокирует обилие всевозможных «народных ансамблей», где арсенал выразительных средств невероятно убог, на сцене процветает сплошная натуга и фальшь. Не вульгаризировать надо идею народности, не заниматься формальными, надуманными трюками, а воспитывать чувство, передавать правду взаимоотношений. Уж если на сцене цыгане, так пусть пушкинские, а не те «цыгане» из пивной, которых нам преподносят как «выходцев из народных глубин».

Жалкие попытки театрализации, безвкусное подыгрывание и пританцовывание вместо подлинной пляски лишь подчеркивают утраты, нанесенные и русскому народному танцу. Он потерял целомудрие, благородство, потерял самого себя как достойного выразителя национального характера, превратившись в набор головоломных трюков. Когда ухарство выдают за удал, а развязность за современный стиль, то это уже не танец, а нечто несусветное. Происходит это от вольного обращения с фольклором, незнания его настоящих основ. Создатели нелепых «шедевров», выдаваемых за истинно совершенное народное танцевальное искусство, видимо, не знают истории — о таланте, деликатности, чувстве художественного такта в поисках тех или иных средств воплощения на сцене действительно национального танца уж и не говорю.

— Известно, что на сегодняшний день остаются актуальными и проблемы современной бытовой хореографии. Что вы думаете по этому поводу?

— Если мы хотим воплотить в хореографии образ современника, то прежде всего нам следует воспользоваться танцевальным языком, принятым в нашем быту. А такого языка в советском танце нет, и наш современный герой остается немым. Я не стану повторять, что балетмейстерам давно настала пора взяться за нелегкое дело — создание танцев для миллионов людей, танцев, которые прочно войдут в жизнь народа и завоеуют всеобщую симпатию. Ведь парадокс получается — есть советская песня, облеченная весь мир, и нет

заслониться наследством прошлого, сложившимися традициями, показным пиететом, за которыми часто скрывается художественная немощь или безразличие к поиску, задрапированные в солидные «академические» одежды. Давно известно, что никакие традиции, даже самые почтенные, не могут и не должны стоять на месте, иначе они превратятся в догму. Еще Ленин учил нас беречь наследство, но в то же время предупреждал, что ограничиваться только им нам не следует. Это ленинское напутствие справедливо и для современных хореографов.

— У нас еще часто путают традицию с традиционной формой, доставшейся в наследство от мастеров прошлого и принятой на веру.

— Уже не раз предпринимались попытки сделать «злословные» спектакли, но из механического сложения нового содержания и старой формы ничего плодотворного не получилось, да и не могло получиться, ибо само по себе формотворчество — без мысли — обречено. Так что работа по созданию современного репертуара вся еще впереди. Сказанное касается и концертных программ, в которых, мягко говоря, мало новых, оригинальных номеров. Я глубочайшим образом убежден в том, что созданием малых балетных форм хореографы должны заниматься в широком

— На нынешнем этапе важно защитить нравственные и духовные ценности, завоеванные раньше выдающимися мастерами национальной культуры. Возможно, и в хореографии есть такая необходимость, если иметь в виду классику, замешенную на народной основе, которой всегда славилась отечественная балетная школа.

— Очень трудно защитить то, чего уже нет. Например, ушел из балета характерный танец — целый пласт хореографии, обогащавший ее, питавшийся живительными соками глубин народности. Как известно, русский балет всегда жидился на двух танцах — классическом и характерном. Они очень ладно поделили между собой функции, всегда дополняя друг друга. Характерным танцем, выросшим из народного, пользовались для придания спектаклям национального колорита, одухотворенности, создания гармоничного, художественно яркого и красочного сценического действия. Теперь если вы посмотрите «Лебединое озеро» в Большом театре, то увидите, что все характерные танцы как бы растворились в классическом — их танцуют на пуантах, что противоречит замыслу создателей балета, и в первую очередь П. И. Чайковского, в музыкальной драматургии которого всегда доминировала русская стихия. Русский дух и окраска балета создавались и распевностью, и мелодической прозрачностью, светлым миром русской сказки, герои которой не просто любили, но и сражались за любовь, за мир своей мечты. Увы, от русского балета, поэтические устремления для которого всегда были характерны, оторвали главное — русскую душу. «Очищение» балета от народной основы, уход от нее в сторону свойственны современному балету, который, на мой взгляд, переживает в этой связи определенный кризис. Вообще за последнее время яственно выявилась тенденция отчуждения народно-

— И, несмотря ни на какие бюрократические препоны и рогатки последующих лет, вам удалось выйти на уровень мирового признания.

— Без общей одержимости и личной самоотверженности ансамбль народного танца не стал бы тем, что есть. Целеустремленность и настрой на постоянный поиск приносили и приносят щедрые плоды. Вот почему, смею уверить, наши работы и застой — понятия взаимоисключающие.

Но я продолжу вашу прежнюю мысль. Народ ведь творил и в самые тяжелые, мрачные периоды истории, невзирая ни на какие невзгоды. С другой стороны, когда с корнем вырывалась интеллигенция, ждать выдающихся свершений не приходилось. Представляю себе, сколько мы могли дать миру, не будь этих трагических лет репрессий. И даже под их жестоким гнетом рождались художественные открытия, достойные нашего народа. Так что деятели искусства понимали цели и задачи, во имя которых они боролись, хотя и давил на них груз общественных бед. Да и «железные занавес» не позволял нам как следует расправить крылья, выйти на международную арену, чтобы испытать чувство гордости за высокую духовность и гуманизм отечественной культуры в ее лучших образцах.

— Кажется, первым кто прозрел за рубежом, был замечательный американский импресарио, выходец из России Амонан Юрок. Он, организовав гастроль Шаляпина, Павловой и других знаменитостей, прекрасно понимал, что не оскудела земля российская талантами и есть в нашей культуре нечто, представляющее интерес для других континентов. И ведь долго «завоевывать» Америку не пришлось. Новый Свет сразу разглядел шедевры искусства. Американские газеты тут же отметили: «Пример советских «звезд» учит концентрировать духовные приобретения с максимальной отдачей. Довольно внушительная стена равнодушия, сомнений, пожеланий «не иметь дело с Советами» рухнула за считанные дни, несмотря на дороговизну удовольствия».

— Пятьдесят долларов за билет считалось минимальной ценой на наши представления. А заявок — миллионы, и каждый желающий мог пожертвовать чем угодно. Один нью-йоркский студент за два билета на концерт был готов «лизнуть горячий утюг, пройти на руках от Бруклина до «Метрополитен-опера» и отдать коллекцию марок, которую собирал 15 лет». Ажиотаж вокруг гастролей всегда был большой, люди стояли в очереди за билетами по 40 часов, не покидая своего места.

— И все-таки, Игорь Александрович, ни одно ваше турне по США не обходилось без ложки дегтя со стороны пресловутой «лиги защиты евреев».

— Бомбы летели не только в нас. — Но именно вашему коллективу «везло» чаще других. Кто-то из американских журналистов лживито шутил: дескать, зачем нужен Жизели или Спящей красавице — героиням, так сказать, классическим, академическим — слезоточивый газ? Одна давно на том свете, а другая — спит... Пусть уж лучше «народник» Моисеев расхлебывает, он более колоритен.

— Что я могу сказать? В некоторых сферах нашлись люди, всерьез считающие русскую старинную кадрили или танец «Партизаны» «коммунистической пропагандой». Антисоветчиков не устраивало сближение двух народов. Сейчас общая картина отношений между нашими странами меняется в лучшую сторону. Я верю, что понимание интересов друг друга возьмет верх над закостенелым традиционализмом мышления и устоявшимися предрассудками.

— Хотелось бы вот еще на что обратить ваше внимание. В печати то и дело раздаются голоса о низкой оплате труда наших артистов за рубежом: их гонорары чуть ли не в десять раз меньше, чем у коллег на Западе. Поэтому художественная интеллигенция вынуждена в ряде случаев покидать страну.

— Я не могу сказать, что нас обирают импресарио, менеджеры. Они ведут себя вполне достойно, и никаких разногласий в оплате труда у нас с ними не возникает. Их расходы по организации и проведению гастролей велики, но я буду несчастным человеком, если на мне импресарио не зарабатывает. За полвека существования ансамбля не могу привести ни одного примера, чтобы кто-то из них залез к нам в карман. Если цены на билеты повышались, то и доход государства соответственно увеличивался. Что касается высоких заработков наших зарубежных коллег, то они действительно не делаются ни с кем так щедро, как мы с Госконцертом, который фактически состоит у нас на содержании. Эта промежуточная организация — между Министерством культуры и артистами — пожирает львиную долю наших заработков, хотя во времена хозрасчета и самофинансирования она просто не нужна. Казалось бы, чего проще: мы под контролем министерства заключаем контракт с импресарио; часть денег, в качестве налога, отдаем государству, другую часть оставляем на нужды коллектива, чтобы исключить всякую несправедливость. Сейчас же, привозя в страну миллионы, мы не можем порой приобрести из-за нашей финансовой бедности самое необходимое в работе. Так что, думается, не нужны никакие нахлебники, сидящие одновре-

НАШ СОБЕСЕДНИК народный артист СССР Игорь МОИСЕЕВ

Осмысливая ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ

масштабе. Что мы на сегодня имеем, кроме «Умирающего лебедя» и па-де-де из «Дон-Кихота»? Они прекрасны, но этого же мало. Вообще у нас в хореографии сложились диспропорции. С одной стороны, масса великолепных танцовщиков и балерин, с другой — нехватка новых, добротных постановок. Кроме замечательных принцев, фей, волшебников, других литературных героев, у нас пока ничего выдающегося не предвидится. Чтобы создать большое хореографическое полотно, нужны этюды, пробы, наброски, эскизы, идеи... Пока их нет, как нет и самих серьезных попыток. За рубежом в этом плане делается больше, связи и взаимоотношения хореографов с современностью прочнее. Я не поклонник Мориса Бежара или

го искусства от того, что ему принадлежит по праву.

— Вывод нерадостный. Хотя строгость вашего вкуса в оценке явлений культуры известна.

— Людские вкусы разные, как сами люди. Я, например, больше, чем кого-либо из «Могучей кучки», ценю Римского-Корсакова, но объективно это ни о чем не говорит.

— Пожалуй. Вспомним Бальзана, который ставил Бетховена выше Россини и Моцарта, а рафаэлевское совершенство Шопена, порыв и дантовскую грандиозность Листа — намного выше творений Паганини. Он же считал, что рядом с Вальтером Скоттом Байрон «ничто или почти ничто», в то время как другие выдающиеся личности утверждали обратное.

114

Осмысливая день сегодняшний

и, и связи балета с действительностью — опосредованные. Народные же танцы в высшей степени точны, ясны, у них конкретный адрес. При этом любой является законченным произведением, имеющим глубокое содержание и смысл. В большинстве своем, будучи краткими, немногословными, танцы эти вскрывают целые пласты народной жизни в разные исторические эпохи. Это не просто танцы для развлечения, сиюминутного удовольствия, а способ выражения определенных чувств, обладающий поэзией достоверности. Сейчас, к сожалению, часто выдают за фольклор — я имею в виду профессиональных артистов — немислимую чушь, ничего общего с народным танцем не имеющую. Заниматься подделкой, фальсификацией, демонстрировать в искаженном виде то, что создано другими, — это, строго говоря, не искусство. Меня шокирует обилие всевозможных «народных ансамблей», где арсенал выразительных средств невероятно убог, на сцене процветает сплошная натуга и фальшь. Не вульгаризировать надо идею народности, не заниматься формальными, надуманными трюками, а воспитывать чувство, передавать правду взаимоотношений. Уж если на сцене цыгане, так пусть пушкинские, а не те «цыгане» из пивной, которых нам преподносят как «выходцев из народных глубин».

Жалкие попытки театрализации, безвкусное подыгрывание и пританцовывание вместо подлинной пляски лишь подчеркивают утраты, нанесенные и русскому народному танцу. Он потерял целомудрие, благородство, потерял самого себя как достойного выразителя национального характера, превратившись в набор головоломных трюков. Когда ухарство выдают за удачу, а развязность за современный стиль, то это уже не танец, а нечто несусветное. Происходит это от вольного обращения с фольклором, незнания его настоящих основ. Создатели нелепых «шедевров», выдаваемых за истинно совершенное народное танцевальное искусство, видимо, не знают истории — о таланте, деликатности, чувстве художественного такта в поисках тех или иных средств воплощения на сцене действительно национального танца уж и не говоря.

— Известно, что на сегодняшний день остаются актуальными и проблемы современной бытовой хореографии. Что вы думаете по этому поводу?

— Если мы хотим воплотить в хореографии образ современника, то прежде всего нам следует воспользоваться танцевальным языком, принятым в нашем быту. А такого языка в советском танце нет, и наш современный герой остается неммым. Я не устану повторять, что балетмейстерам давно настала пора взяться за нелегкое дело — создание танцев для миллионов людей, танцев, которые прочно войдут в жизнь народа и завоевуют всеобщую симпатию. Ведь парадокс заключается — есть советская песня, облетевшая весь мир, и нет такого же массового жанра советского танца. Зато мы с радостью беремся за исполнение импортного танцевального ширпотреба, часто явно противоречащего нашим мыслям и чувствам, нашей национальной самобытности, которую мы в последнее время изрядно подрастеряли. Берем наряды с чужого плеча, пытаемся их примерить, в то время как у нас своих в избытке, но мы их не замечаем или не хотим замечать. Боязнь старых ошибок, когда все зарубежное автоматически попадает «под подозрение», слишком часто заставляет нас сегодня некритически относиться к заграничному, идеализировать его. Но ведь некоторые зарубежные подделки с душком эгоцентризма, секса, шарлатанства, порожденные другим бытом, другой эстетикой, другими нравами, явно нам не подходят. Потому что нет в них подлинного самовыражения, ощущения, что это твое, родное, прочувствованное и понятое. Где там дух сплоченности и инициативы, душевная щедрость, оптимизм, позитивность чувств, полет высокой мечты, благородство и целая гамма других качеств, так дорогих нам? Никто не отрицает важности взаимовлияния искусств разных народов мира, но обязательно лишь через лучшие образцы, через то, что составляет гордость нации или народа и может быть использовано для дальнейшего совершенствования личности. Падение нравов в различных точках планеты вовсе не означает, что и мы должны стремиться к тому же.

— Значит, господствующая мысль данной исторической эпохи обязательно должна найти свое истинное воплощение в произведениях, кои ведут нас к реальному действию во имя осознанно поставленной цели?

— Безусловно. А как же иначе? Выражение нравственной идеи через шедевр искусства — обогащение духовного мира общества и человека — сегодня на повестке дня.

— Однако часто, случаясь, в погоне за внешними эффектами, за «красотой» забывается главное — гражданственность искусства, вбирающая в себя все — и современный взгляд на цели творчества, и поиск новых изобразительных и выразительных средств, и переосмысление обветшалых традиций, и даже репертурную политику. Скажем, еще живучи тенденции превращения оперного или балетного театра исключительно в музей классического наследия.

— Без классики не обойтись, она наше творческое богатство и фундамент, но обладание ею не освобождает от необходимости двигаться дальше. Что мы сейчас видим в репертуаре балетных театров? «Лебединое озеро», «Жизель», «Раймонда», «Спящая красавица», «Корсар», «Дон-Кихот», снова «Лебединое озеро», к стати, перекроенное по несколько раз... Вот и получается, что все балетные коллективы на одно лицо; должно же быть наоборот — что ни труппа, то индивидуальность. Но пока нам похвастать нечем. Дело доходит до смешного: в дни так называемых обменных гастролей один театр везет в другой город «Лебединое озеро», а из того города в первый едет... тоже «Лебединое озеро», причем в той же самой редакции. Я думаю, что создание индивидуального репертура для каждого театра сегодня — одна из острейших проблем. Когда мы говорим, например, о театре Петипа или о театре Фокина, то каждый раз вспоминаем прежде всего личность. Споры нет, есть в хореографии художники, сказавшие свое слово в искусстве и не побоявшиеся смело и интенсивно искать непроторенные пути. Но их очень и очень мало для нашей страны, где существует десяток балетных трупп, оснащенных всем необходимым для творчества. Создательское положение я объясняю и недостаточной активностью балетмейстеров, боязью риска, успокоенностью, стремлением

масштабе. Что мы на сегодня имеем, кроме «Умирающего лебедя» и па-де-де из «Дон-Кихота»? Они прекрасны, но этого же мало. Вообще у нас в хореографии сложилась диспропорция. С одной стороны, масса великолепных танцовщиков и балерин, с другой — нехватка новых, добротных постановок. Кроме замечательных принцев, фей, волшебников, других литературных героев, у нас пока ничего выдающегося не предвидится. Чтобы создать большое хореографическое полотно, нужны этюды, пробы, наброски, эскизы, идеи... Пока их нет, как нет и самих серьезных попыток. За рубежом в этом плане делается больше, связи и взаимоотношения хореографии с современностью прочнее. Я не поклонник Мориса Бежара или Джерома Робинса, однако режиссеры они великолепные. Целый ряд их работ может проиллюстрировать истину, что новое содержание будит творческую мысль, оплодотворяет хореографический язык.

Вообще говоря, хореография, как и многие другие жанры и виды искусства, стала зеркальным отображением процессов, происходящих в обществе. Разве в музыкальном театре не было случаев навязчивого культивирования обветшалых традиций и многолетних штампов, нивелировки творческого начала? Немало подпортили нам и политико-идеологические оковы, вездесущий контроль за творческим процессом, всевозможные инструкции, рекомендации и указания, что и как творить художнику. Одно время, например, стали усиленно пытаться соединить художественный язык, характерный для императорских театров прошлого века, с надуманными «тематическими» заказами, исходящими от представителей власти. Всевозможные новшества, усовершенствования, желание любым путем избежать старомодности, искусственные переделки произведений мастеров прошлого чаще наносили лишь ущерб. Подобной наивной, я бы сказал, архаичной политики не знает ни одна развитая страна мира. Отсюда и бедность хореографической стилистики, самого языка балета. Такое однообразие, повторяемость элементов, когда одни и те же движения выражают горе и радость, мечту и реальность, приводит к обезличиванию сценического действия, окрашивает его как бы в один стандартный серый цвет. Безмерное восхваление наших успехов в балете в дни зарубежных гастролей хором специально командированных рецензентов (хотя мы действительно шедры на рождение и становление «звезд» балета) напрочь отвергало возможность серьезной критики. А много ли печаталось критических высказываний зарубежных специалистов? А ведь именно они очень скоро уловили бедность нашего репертура, когда мы действительно оказались не в состоянии удивить мир его размахом и глубиной и сами себя обрекли на отторжение от мирового процесса.

— Мистическая страсть к единообразию, утрата нравственного чувства, недостаток внимания к передовым идеям мирового искусства обнаружили себя давно. Зарубежная социальная мысль, пуштившая корни и в культуре, не могла в должной мере сказаться на нашем развитии в силу того же чужацкого «низкопоклонства перед Западом». Вроде бы, дескать, нам ни к чему позитивность мышления западных хореографов, их во многом прагматический подход к творчеству.

— Да, пристрастие к ярлыкам нас основательно подвело. Клейма буржуазную культуру на все лады, ее якобы примитивизм, убожество, потребительский характер, мы не заметили, как оторвались от современного культурного процесса. Непомерное самомнение от того, что наш балет лучший в мире, заглохотизировало сознание, привело к ложным убеждениям в непогрешимости. Идеология отрицания западного искусства — а, скажем, американский и французский балеты стоят сейчас на высочайшем уровне хореографии — породила нездоровое восприятие и самой реальности. Да и сложившиеся стереотипы тоже немало мешали трезвой оценке происходящего. Отсюда и скудность значительных художественных открытий, уменьшение вклада в обновление мирового балета. Но я верю, что свежий ветер перемен изменит обстановку к лучшему, у сторону плюралистического осмысления происходящих процессов, где также не останется места диктату, амбициям, предвзятости и другим нездоровым наклонностям, будующими кое-где в нашей художественной среде.

го искусства от того, что ему принадлежит по праву.

— Вывод нерадостный. Хотя строгость вашего вкуса в оценке явлений культуры известна.

— Людские вкусы разные, как сами люди. Я, например, больше, чем кого-либо из «Могучей кучки», ценю Римского-Корсакова, но объективно это ни о чем не говорит.

— Пожалуй. Вспомним Бальзана, который ставил Бетховена выше Россини и Моцарта, а Рафаэлевское совершенство Шопена, порыв и дантовскую грандиозность Листа — намного выше творений Паганини. Он же считал, что рядом с Вальтером Скоттом Байрон «ничто или почти ничто», в то время как другие выдающиеся личности утверждали обратное.

— А возьмите Мопассана, не переносившего Эйфелеву башню. На вопрос, почему он ежедневно обедает в кафе, расположенном внутри ее, писатель отвечал, что это единственное место в Париже, откуда не видно надоевшего до смерти сооружения. Так что о взглядах, симпатиях и привязанностях спорить не приходится: они естественны, хотя порой необъяснимы. Другое дело замшелые вкусы и пристрастия, например, некоторых ведомственных руководителей, лиц, ответственных за ту или иную сферу общественного производства, науки, культуры, их прямо-таки упрямо нежелание изменить обстановку в соответствии с нуждами общества.

Оказывается, можно до самой шеи засучить рукава, ругая за перестройку, но не ударить пальцем о палец, чтобы ее осуществить. Разве у нас мало случаев, когда иные ораторы, призывая на собраниях включить все наличные силы и резервы, сидя с трибуны, не утруждают себя абсолютно ничем, целиком и полностью отворачиваясь от назревших проблем? Общество в целом и культура, в частности, нуждаются в действии, а не в болтовне вокруг больших и малых, требующих подчас немедленного разрешения вопросов. Тут уже играет роль не вкус, а нечто существенно большее — ответственность перед людьми, совесть, способность действительно болеть душой за общее дело.

— Обогащение духовного мира человека неразрывно связано с миссией художника творить во имя добра, справедливости, гуманизма. Но творчество без вдохновения немислимо. К тому же, как еще Гете утверждал (и вы, по-моему, цените эту мысль), что «творчество уничтожает мелкие заботы», в которые мы с головой погружились. Что имеется в виду?

— То, что есть на самом деле. Мы сплошь и рядом заняты побочными обязанностями, растративаем себя в повседневной суете, растворяемся во второстепенных деталях, зачастую для творчества бесполезных, не работающих на него ни на йоту. Размениваем созидание на «пробивание» всевозможных дел в различных инстанциях. Мне самому часто приходится выступать в качестве «толкача», чтобы добиться желаемого результата, ждуть которого бывает порой весьма обременительно. В одном месте с обворожительной улыбкой пообещают сделать все необходимое за неделю, но на самом деле мечты сбываются не раньше чем через год; в другом — «бюрократическое тулоупие», как говорил Ленин, берет верх над очевидными вещами; в третьем потребуют справки, однако разгильдяи умудряются их надежно потерять.

— Ленин связывал бюрократизм с безнаказанностью, безответственностью, считал, что просто «вырезать», «прогнать» его из аппарата нельзя. «Можно лишь медленным, упорным трудом его УМЕНЬШАТЬ», — писал он. — Его можно лишь ЛЕЧИТЬ. Хирургия в ЭТОМ случае абсурд, НЕВОЗМОЖНОСТЬ; только МЕДЛЕННОЕ ЛЕЧЕНИЕ — все остальное шарлатанство или наивность».

— Нетрудно понять Ильича в том, что он так тщательно фильтровал неумеек и бюрократов, с которыми не устал бороться, находясь у колыбели новой государственности.

Хотите небольшой экскурс в историю? Чтобы попасть на прием к Фурцевой, требовались немалые усилия, и проходили недели, прежде чем началось время встречи. У Луначарского все обстояло гораздо проще. На двери приемной наркома висела табличка с расписанием ежедневного приема. Помню, как мы, группа молодых артистов, в которую входил и ныне здравствующий балетмейстер Большого театра Асаф Мессерер, пришли к Анатолию Васильевичу — и были приняты незамедлительно. Все вопросы решились буквально тотчас.

нужь горячий уют, пройти на руках от Бруклина до «Метрополитен-опера» и отдать коллекцию марок, которую собирал 15 лет. Ажиотаж вокруг гастролей всегда был большой, люди стояли в очереди за билетами по 40 часов, не покидая своего места.

— И все-таки, Игорь Александрович, ни одно ваше турне по США не обходилось без ложки дегтя со стороны пресловутой «лиги защиты евреев».

— Бомбы летели не только в нас. — Но именно вашему коллективу «везло» чаще других. Кто-то из американских журналистов ядовито шутил: дескать, зачем нужен Жизели или Спящей красавице — героиням, так сказать, классическим, академическим — слезоточивый газ? Одна давно на том свете, а другая — спит... Пусть уж лучше «народник» Моисеев расхлебывает, он более колоритен.

— Что я могу сказать? В некоторых сферах нашлись люди, всевозвездно считающие русскую старинную кадрили или танец «Партизаны» (коммунистической пропагандой). Антисоветчиков не устраивало сближение двух народов. Сейчас общая картина отношений между нашими странами меняется в лучшую сторону. Я верю, что понимание интересов друг друга возьмет верх над закостенелым традиционализмом мышления и устоявшимися предрассудками.

— Хотелось бы вот еще на что обратить ваше внимание. В печати то и дело раздаются голоса о низкой оплате труда наших артистов за рубежом: их гонорары чуть ли не в десять раз меньше, чем у коллег на Западе. Поэтому художественная интеллигенция вынуждена в ряде случаев покидать страну.

— Я не могу сказать, что нас обирают импресарио, менеджеры. Они ведут себя вполне достойно, и никаких разногласий в оплате труда у нас с ними не возникает. Их расходы по организации и проведению гастролей велики, но я буду несчастным человеком, если на мне импресарио не заработает. За полвека существования ансамбля не могу привести ни одного примера, чтобы кто-то из них залез к нам в карман. Если цены на билеты повышались, то и доход государства соответственно увеличивался. Что касается высоких заработков наших зарубежных коллег, то они действительно не делятся ни с кем так щедро, как мы с Госконцертом, который фактически состоит у нас на содержании. Эта промежуточная организация — между Министерством культуры и артистами — пожирает львиную долю наших заработков, хотя во времена хозрасчета и самфинансирования она просто не нужна. Казалось бы, чего проще: мы под контролем министерства заключаем контракт с импресарио; часть денег, в качестве налога, отдаем государству, другую часть оставляем на нужды коллектива, чтобы исключить всякую несправедливость. Сейчас же, привозя в страну миллионы, мы не можем порой приобрести из-за нашей финансовой бедности самое необходимое в работе. Так что, думается, не нужны никакие нахлебники, сидящие одновременно на двух шеях: государственной и нашей. В моей гастрольной практике бывали случаи, когда обкрадывали среди бела дня. Тридцать лет назад импресарио подарил мне «Мерседес» и чек на пять тысяч долларов. Взять автомобиль в подарок с грехом пополам разрешили, а деньги председатель Комитета культуры отобрал. Чем он руководствовался — неизвестно. Потом зарубежная пресса долго зубоскалила и язвила по этому поводу.

Что касается отъездов за рубеж наших деятелей культуры и искусства, то я уверен — в подавляющем большинстве они не связаны с политическими мотивами, да и ситуация для подлинно свободного творчества у нас сегодня, как никогда прежде, благоприятна. Скажу больше: мы сами часто виноваты в этих национальных потерях. Где-то сказались капризы должностного лица, в чем-то без всяких веских причин отказались в просьбе артиста все же бюрократы; какой-нибудь эгоист и себялюбец, которому по долгу службы вменяется быть чутким и внимательным к людским повседневным нуждам и заботам, безмерно оскорбил или унизил до неприличия достоинство и честь человека. И низкие ставки артистов также играют не последнюю роль. Действующая система оплаты устарела и явно не срабатывает. Во многих зарубежных поездках рабочие сцены и я получаю одинаковые суммы.

— Игорь Александрович, извините за банальность: вам хотелось бы стать миллионером?

— Вы напомнили мне американского журналиста, который на пресс-конференции задал мне точно такой же вопрос в нью-йоркском отеле «Уолдорф-Астория». «Конечно, нет», — отвечал я, — потому что ни один миллионер не в состоянии содержать такой коллектив, которым имею честь руководить». Репортеры, исполненные нетерпения и любопытства, схватились за авторучки и блокноты, поближе пододвинули ко мне магнитофоны. «Во-вторых, мне не к чему быть миллионером», — продолжал я, — так как я получаю хорошее вознаграждение за свой труд».

Вообще разговор о миллионах сам по себе несостоятелен, потому что он во многих чертах провокационен. Нельзя ставить идею добра, гуманизма, человеческого развития и совершенствования в зависимость от кошелька. С другой стороны, пока не установится социальная справедливость и блага станут осязаемыми, до тех пор не будет и веры в общественное благополучие. Может, я ошибаюсь, но экономика должна идти впереди искусства, ибо плоды перестройки в культуре не могут появиться без достижений в экономике.

— Если коснуться вопросов политики и практики сегодняшнего дня, то что вам кажется первостепенным с точки зрения нынешних реалий отечественной жизни?

— Изменить психологию человека, доказать ему, что альтернативы перестройке нет, — вот в чем суть и одновременно сложность сегодняшних процессов. Люди давно перестали верить лозунгам и призывам, носящим декларативный характер. А посему нужна кропотливая, будничная работа по осмыслению происходящих перемен, а главное — реализация намеченной программы обновления общества.

— Еще один вопрос, Игорь Александрович. Вашему девизу «Не кривить душой», взятому на вооружение в юности, вы остались верны и ныне?

— Конечно. Иначе и быть не может: искусство не терпит и не прощает компромиссов с совестью.

Беседу вел
Юрий БЕСПАЛОВ.
Фото Н. Малышева (ТАСС).